ПЕРЕПИСКА АЛЕКСИУСА МАЙНОНГА И БЕРТРАНА РАССЕЛА[1]

Майнонг – Расселу 7.XII.1904
Грац, 7 декабря 1904 г.

Глубокоуважаемый господин!

Я давно предчувствовал, что Вы понимаете смысл моих работ значительно лучше большинства моих немецких читателей. Я начал это понимать уже после высказанных Вами дружеских замечаний к моей работе о законе Вебера. Однако только после прочтения трех Ваших статей обо мне в журнале «Mind» я пришел к ясному пониманию того, насколько совпадают наши научные интенции. Надеюсь, что Вы не сочтете за труд и прочитаете три первые статьи из недавно изданных мною «Исследований по теории предметов и психологии». Первый трактат из них моего собственного сочинения я посвящаю Вам вместе с этими строками. Этой же проблематике посвящены две работы других авторов, прилагаемые к письму.

К сожалению, работы Фреге, равно как и Ваши «Принципы», были нам ранее неизвестны. Однако несмотря на эти и многие другие трудности, я все же надеюсь, что смысл понятия «теория предметов» достаточно ясно изложен в данной программе. Мне было бы очень интересно, если бы Вы в частном порядке или публично высказали свое мнение об этой работе.

С глубоким уважением,
А. Майнонг

[1] Перевод выполнен по изданиям: *Russell B.* Philosophenbriefe: Aus der wissenschaftlichen Korrespondenz von Alexius Meinong ; Hrsg. von R. Kindinger. Graz : Akademisch Druck- u. Verlagsanstalt, 1965. S. 150–153; A. Meinong to B. Russell. 7 December 1904. Box 5.31, file 052866. Bertrand Russell fonds. William Ready Division of Archives and Research Collections, McMaster University Library; A. Meinong to B. Russell. 24 October 1906. Box 5.31, file 052867. Bertrand Russell fonds, William Ready Division of Archives and Research Collections, McMaster University Library.

Рассел – Майнонгу 15.XII.1904
Иви-Лодж, Тилфорд, Фарнхэм, 15 декабря 1904 г.

Глубокоуважаемый господин!

Весьма признателен Вам за дружеское письмо и сочинение «О теории предметов». Я прочитал Вашу научную работу с большим интересом, равно как и части 2–7 работы д-ра Ameседера, и совершенно согласен с базовыми положениями, лежащими в основании этих текстов, а рассматриваемые там проблемы нахожу важными. Хотя я и привык использовать термин «логика» по отношению к тому, что Вы называете «теорией предметов», а доводы (на с. 20 Вашей работы) против такого использования нахожу едва ли убедительными, все же признаю, что новая концепция должна получить новое имя, а наши разногласия по этому вопросу не так важны.

До настоящего момента я был совершенно уверен, что всякий предмет должен в некотором смысле обладать бытием, поэтому мне сложно признать несуществующие предметы. Когда мы имеем дело с золотой горой или круглым квадратом, необходимо (в терминах Фреге) проводить различие между смыслом и значением: смысл является предметом и обладает бытием, в то время как значение предметом не является. Различие между смыслом и значением может быть лучше всего проиллюстрировано на примере из области математики: выражение «квадратный корень из 4» имеет комплексный (составной) смысл, а его значение – число 2.

Я абсолютно согласен с точкой зрения, что математика суть теория предметов. Более того, это один из принципиальных тезисов, который я отстаиваю в своих «Принципах». Если у Вас нет этой книги, буду рад выслать ее на Ваш адрес. Вся первая часть этой работы имеет недвусмысленное отношение к вопросам, связанным с теорией предметов. Разумеется, есть множество дискуссий, цели которых чисто формальны, т.е. они лишь связаны с некоторыми математическими проблемами технического свойства. Наиболее же важными являются другие, общие вопросы, которым как раз и уделено основное внимание в моей работе.

Что касается Вашего рассуждения о метафизике (на с. 40), то хотя в целом я и склоняюсь к Вашей позиции, но все же испытываю некоторое затруднение. Дело в том, что, как мне кажется, в вопросе обо *всем* существующем мы не можем обращаться к эмпиризму. Следовательно, если и есть какая-то метафизика, то она должна быть априорной.

Надеюсь, что Ваши философские воззрения быстро получат известность. Я сам лично сделаю для этого все, что будет в моих силах.

С уважением,
Бертран Рассел

Майнонг – Расселу 24.X.1906
Грац, 24 октября 1906 г.

Глубокоуважаемый господин!

В первую очередь вместе с просьбой о некотором снисхождении я хотел бы высказать Вам свою благодарность за Ваши дружеские послания и, в особенности, за понимание и заботу, которые Вы проявили в своих замечаниях к двум моим публикациям. Причина моего промедления с ответом заключалась прежде всего в том, что мною был утрачен Ваш адрес. Он стал вновь мне известен уже после того, как я получил Ваше сочинение о трансфинитных числах. Тогда я надеялся, что смогу в скором времени приложить к моей благодарности также новую публикацию о теории предметов. Вопреки ожиданиям, это заставило себя так долго ждать, что Вы тем временем вновь обескуражили меня своей критикой, содержащейся в присланной Вами статье из «Revue de Métaphysique». Сейчас я могу наконец вместе с этими строками выслать Вам свою первую статью «О положении теории предметов в системе наук». Кроме этого, должен сообщить, что в двух следующих номерах «Zeitschrift für die Philosophie und philosophische Kritik» выйдут мои сочинения в продолжение этой темы. В них я воспользовался случаем и позволил себе вкратце ответить на некоторые высказанные Вами замечания. На мой взгляд, для нас сейчас не столь важным является улаживание этих наших несущественных разногласий. Гораздо важнее те некоторые общие базовые интенции, которые у нас остаются. В связи с этим меня бы особенно обрадовало, если бы моя новая работа внесла свой вклад в сохранение общности этих интенций.

Я также с удовольствием воспользуюсь случаем для того, чтобы от всей души поздравить Вас с тем признанием, как почетным, так и заслуженным, которое получили Ваши «Принципы математики» в книге Л. Кутюра (в особенности в его введении к обзорной статье).

С глубоким уважением,
А. Майнонг

Рассел – Майнонгу, 5.XI.1906
Бэгли-Вуд, Оксфорд, 5 ноября 1906 г.

Глубокоуважаемый господин профессор!

Весьма благодарен Вам за дружеское письмо и интересную статью «О положении теории предметов в системе наук». Я абсолютно уверен, что разногласия, имеющиеся между нами, не так существенны. По большому счету я придерживаюсь тех же теоретических позиций, что и Вы. Мне особенно по душе Ваше утверждение о том,

что математика представляет собой знание, свободное от существования (daseinfreies Wissen), и, как закономерно следует из этого тезиса, принадлежит к теории предметов.

Что касается невозможных объектов, то, с моей точки зрения, золотая гора должна относиться к тому же классу предметов, что и круглый квадрат. В связи с этим я в своей работе «Об обозначении» использовал в качестве примера выражение «нынешний король Франции». Насколько Вам известно, для меня понятие необходимости не является фундаментальным. Отсюда ясно, что я не усматриваю различия между невозможными и несуществующими предметами. Более того, мне непонятно, как именно различаются «существовать» и «быть существующим». Конечно, я не отрицаю, что в истинных, равно как и в ложных предложениях невозможные объекты допустимы в качестве грамматических субъектов. Однако я уверен, что подобного рода предложения следует интерпретировать именно тем способом, который был предложен мной в статье «Об обозначении».

Мне весьма импонирует то, что Вы говорите о Фреге на с. 51. К сожалению, в связи с тем, что его тексты необычайно сложны, они не пользуются особой популярностью. По моему же мнению, он заслуживает величайшего признания.

С глубоким уважением,
Бертран Рассел

Рассел – Майнонгу, 5.II.1907
Бэгли-Вуд, Оксфорд, 5 февраля 1907 г.

Глубокоуважаемый коллега!

Премного благодарен за высланную Вами вторую часть статьи «О положении теории предметов в системе наук». Я нашел ее весьма интересной. Внимательно изучив то, что Вы пишете о концепте необходимости, я пришел к выводу, что наше расхождение во мнениях по этому вопросу не так велико, как показалось вначале. Я полностью признаю *эпистемическое* различие между априорным и эмпирическим знанием, что проявляется и в различении соответствующих объективов. Так, априорное знание в отличие от эмпирического не связано с существованием предмета (daseinsfrei). Замечу также, что термин «необходимо» в обыденном употреблении имеет множество значений и пролить свет на все смыслы этого слова возможно только в результате довольно длительной дискуссии.

К сожалению, я не могу согласиться с тем, что Вы пишете о неевклидовой геометрии. Свое собственное мнение мне часто доводилось отстаивать в «Revue de Métaphysique et de Morale», где я полемизировал с Пуанкаре. Я также уделил внимание этому вопросу в «Принци-

пах математики» (ч. VI) и вскользь затронул его в «Mind» (июль 1905, с. 414–415). Итак, по моему глубокому убеждению, неевклидова геометрия не утверждает, что две параллельные прямые могут пересекаться, но ставит вопрос о том, будут ли такие прямые являться параллельными. С моей точки зрения, геометрия также является онтологически нейтральным знанием, поскольку она является чистой математикой. Рассматриваемые в качестве систем чистой математики, неевклидовы геометрии в равной степени гипотетичны. В каждой из них утверждается ровно то, что следует из определенного набора некоторых базовых допущений (Prämisse). По этой причине можно говорить о том, что все неевклидовы геометрии в равной степени истинны. При этом есть только *одно* существующее пространство или по крайней мере пространство, так относящееся к существованию, что именно оно может быть названо пространством действительного физического мира. Является ли это пространство примером евклидовой или неевклидовой геометрии, можно выяснить только эмпирически. То, что две параллельные прямые не пересекаются, очевидно. Однако следует задаться вопросом, допускает ли параллельные прямые реальный мир.

Констатация возможности эмпирического знания о пространственных отношениях требует признания того, что реальные отношения могут быть даны эмпирически. Тогда следует задаться вопросом: евклидовыми или неевклидовыми являются ли данные в восприятии пространственные отношения? Математика показывает, что всякий класс, который через отношения создает евклидово пространство, в то же время через другие наличествующие (bestehende) отношения порождает все неевклидовы пространства. Тем не менее из всего множества этих систем отношений в актуальном мире есть только одна такая, в которой составляющие ее отношения *существуют.* В предложенном Вами рассуждении, насколько я вижу, нет ничего, что опровергало бы эту позицию.

Однако в главном я согласен с взглядами, представленными в Ваших работах. Поэтому считаю полезным обсуждение различных деталей и нюансов.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш, *Бертран Рассел*

Перевод с немецкого В.В. Селивёрстова и О.Ю. Попик